
В. М. Хмелинский

О ПОНЯТИИ «ВОЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» *

В полемике о военной демократии советские ученые постоянно обращаются к авторам, от которых наша историография унаследовала это понятие,— к Моргану, Марксу, Энгельсу. Исследователи, отвергающие универсальный характер военной демократии в эпоху генезиса классового общества, сосредоточивают свое внимание на Моргане. В известной мере это оправдано: Морган первым ввел этот термин в современную историческую науку, и, кроме того, в его «Древнем обществе» военной демократии уделено гораздо больше внимания, чем в сделанном Марксом конспекте этой книги или в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса.

Между тем у Маркса и Энгельса это понятие приобрело новые черты, отсутствующие во взглядах Моргана, а порою прямо им противоречащие. Громадные научные заслуги Моргана, близость его взглядов ко взглядам Маркса и Энгельса по целому ряду теоретических вопросов, наконец, восторженное отношение основоположников научного коммунизма к великому американскому ученому мешают видеть этот факт. Единство взглядов по целому ряду теоретических вопросов не означает, что эти взгляды должны совпадать во всем. Проблема военной демократии в трудах Моргана, Маркса и Энгельса связана с моргановской и марксистской трактовкой возникающего государства, моргановской и марксистской трактовкой демократии. Но государство и демократию Маркс и Энгельс понимали отнюдь не так, как Морган. Это находит свое объяснение прежде всего в объективных исторических условиях, существовавших в середине прошлого столетия в Западной Европе, где работали Маркс и Энгельс, и в Северной Америке, где работал Морган.

Маркс и Энгельс обращаются к самостоятельной разработке теории государства еще в 40-е годы. Установившиеся взгляды на государство, восходящие к Платону и Аристотелю, согласно которым государство и общество отождествлялись, не могли при коренном расколе общества удовлетворить создателей теории научного коммунизма. Не могло их удовлетворить и ставшее общим местом смешение понятий демократия и свобода. На протяжении всей своей жизни Маркс и Энгельс широко и во многих аспектах разрабатывают эту теорию, утверждая, особенно после революции 1848 г., представление о классовой сущности всякого государства. После падения Парижской Коммуны 1871 г. они расширяют свои теоретические представления о государстве, в частности разработав учение о его переходных формах. Это учение сказалось на трактовке Энгельсом военной демократии в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

---

* В дискуссионной статье В. М. Хмелинского утверждается, что Ф. Энгельс понимал военную демократию как государство. Редакция не разделяет этой точки зрения.

Если конспект Маркса может дать представление главным образом о том, в каком направлении Маркс развивал это понятие, то в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса отличие взглядов основоположников марксизма от взглядов Моргана выступает во всей своей полноте, так же как и те пункты, в которых эти взгляды тождественны. Задача статьи — выяснить различия в трактовке военной демократии Энгельсом и Морганом.

Эта задача представляется актуальной, так как, несмотря на длительную полемику, несмотря на постоянные обращения к высказываниям Моргана и Энгельса о военной демократии, вопрос о коренных отличиях их взглядов на этот предмет даже не был поставлен.

Понятие «военная демократия» в «Древнем обществе» Моргана. Представление о военной демократии выработано до издания «Древнего общества», но свидетельствующие об этом материалы опубликованы лишь в самое последнее время.¹ Понятие военная демократия вошло в историческую науку именно через «Древнее общество». В этой книге оно сводится к следующему.

А. Военная демократия — форма управления. Морган прямо называет военную демократию формой управления, логически противопоставляя ее понятию «царство»². Ее внешние признаки — должность военачальника в сочетании с ограничивающими ее учреждениями. Морган постоянно подчеркивает, что военачальник — это военный вождь, а не царь, что это именно должность, должность выборная и с ограниченной властью³, что царская власть несовместима с родовым строем⁴. Ограничивающие власть военачальника органы — совет старейшин и народное собрание. Но наличие их обоих обязательно.

Б. Сущность военной демократии — сочетание пронизывающей всю жизнь общества воинственности со свободой народа, которую Морган отождествляет с демократией, Морган пишет: «Где господствует военный дух, как это было у ацтеков, там естественным путем при родовых учреждениях возникает военная демократия. Такой строй не подрывает свободного духа родов и не ослабляет демократических принципов, но гармонически с ними сочетается»⁵.

К военным демократиям, организованным несколько иначе, но по тем же самым принципам, Морган относит общества римлян времен Сервия Тулия и афинян времен Солона, где основной социальной единицей были уже не роды, а имущественные категории населения⁶. Таким образом, во главу угла Морган ставил не ту или иную социальную единицу, а постоянно подчеркиваемую им свободу народа.

В. Эпоха военной демократии по Моргану включает две ступени варварства и начало цивилизации. Так, он относил к военным демократиям ацтеков (средняя ступень варварства), гомеровских греков (высшая ступень варварства) и, наконец, римлян времен Сервия Тулия и афинян времен Солона. Морган подчеркивает, что между племенными конфедерациями и политическим обществом лежит промежуточная стадия военных демократий⁷, но он не ограничивает существование военной демократии исключительно этой эпохой.

Морган не дал достаточно четкого определения военной демократии. Это неудивительно, так как и относительно воинственности, и относительно демократии у него были устоявшиеся взгляды, не представляв-

¹ См. об этом: Ю. П. Аверкиева, О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки, «Сов. этнография», 1970, № 5.

² Л. Г. Морган, Древнее общество, М., 1934, стр. 67, 144.

³ Там же, стр. 86, 111, 144, 146, 182.

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 125.

⁶ Там же, стр. 153.

⁷ Там же, стр. 86, 87.

шне собой чего-либо нового и потому не требовавшие дополнительных разъяснений.

«Демократия есть форма государства», — писал В. И. Ленин⁸, а государство — аппарат классового насилия. Морган иначе понимал и демократию, и государство. Он считал демократической всю эпоху родового строя, всю эпоху бесклассового первобытного общества, а государство противопоставлял этому обществу прежде всего как новую, высшую стадию развития. Для Моргана суть здесь — структурные единицы общества. В первобытности — это кровнородственные роды и фратрии, объединенные в племена, а в цивилизованном обществе — это разного рода территориальные деления.⁹ Морган неоднократно подчеркивает и то, что государство основывается на собственности. Это утверждение у него имеет двойной смысл. Во-первых, развитие частной собственности положило конец родовому строю, расчистив дорогу становлению государства. Во-вторых, к государствам, основанным на частной собственности, Морган относил такие государства, где политические права соразмеряются с имущественным положением граждан. Последнее он считал основой государственных аномалий: деспотизма, цезаризма, и т. п. Но его критика частной собственности не переросла в критику государства вообще, а понятие демократии оставалось оторванным от понятия государства.

Представление о демократии (т. е. в переводе на русский язык — народовластие) как свободе утвердилось в эпоху великих буржуазных революций, направленных против феодальных монархий и свойственной феодализму сословной системы. Но вскоре оказалось, что народовластие, ограниченное сферами политики и права, несколько не препятствует развитию капиталистической эксплуатации и политического подавления пролетариата. Здесь исторический, объективный исходный пункт марксистского пересмотра понятия демократия, осуществленного еще Марксом и Энгельсом и резюмированного и углубленного Лениным, (особенно в его книгах «Государство и революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский»).

Смешение этих двух понятий — демократия и свобода — широко бытует и поныне. Это представление имеет право на существование, поскольку демократическая форма политического подавления противопоставляется недемократическим формам политического подавления, но не более. Утверждение представления о демократии как о форме государства — один из существеннейших пунктов политической теории марксизма. Моргану история развития демократии представляется в виде процесса, начавшегося в глубине первобытной древности и продолжающегося в новейшее время. В это развитие вклиниваются разного рода отклонения, но это ненормально. Историю демократии Морган делит на два этапа: родовую демократию и «чистую демократию» эпохи цивилизации. Военная демократия охватывает поздние этапы родовой демократии и эпоху становления государственной цивилизованной демократии, когда она еще не достигла «чистого», законченного вида. Такой взгляд Моргана на военную демократию определил сохранение этого понятия в марксистской литературе и изменение его содержания.

Действительно, наблюдения Моргана относительно развития воинственности у варваров в эпоху становления государства представляют собой громадную ценность. Энгельс дает объяснение этому явлению, связав его с развитием частной собственности, со стремлением к обогащению. С. П. Толстов, развивая взгляды Энгельса, показал, что война была основным средством ломки родового строя, основным средством

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 100.

⁹ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 7.

социальной революции, лежащей между первобытным коммунизмом и классовым обществом.¹⁰ Но Энгельс, а впоследствии и Толстов развивают здесь Моргана, вскрывая причины и историческую роль отмеченного им явления. С другой стороны, ценнейшее наблюдение Моргана — варварская демократия, его мысль о несовместимости родового строя с недемократическими формами управления, о невозможности моментального перехода от первобытной свободы к монархии, к деспотии — остается верной. Но если для Моргана демократия равнозначна свободе, отсутствию угнетения, что позволяет ему считать ее свойственной всему родовому строю, то для марксистов это форма государства, и, следовательно, она может возникнуть лишь на закате родового строя в эпоху варварства, когда развивается частная собственность и классовое угнетение. В эту эпоху родовой строй постепенно перестает быть системой общественного самоуправления, приобретая функции и черты государственной системы. Эта государственная система не только противоположна прежней родовой системе общественного самоуправления, но, поскольку она выросла из системы общественного самоуправления, поскольку она унаследовала многие ее структурные черты и свойственные предшествующей эпохе традиции, она не совместима с недемократическими формами государства — деспотией, монархией и т. п. Военная демократия для Моргана — последний этап родовой демократии и мост к «чистой» демократии эпохи цивилизации, для марксистов же — первая форма возникающего государства.

Энгельс о военной демократии. Неоднократные ссылки советских ученых на содержащиеся в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» энгельсовские характеристики военной демократии, как правило, ограничиваются только одной фразой из обобщающей главы IX «Варварство и цивилизация», в лучшем случае к ним присоединяется еще одна фраза. Между тем эти фразы открывают целый раздел, в котором сжато, но чрезвычайно разносторонне характеризуются общества, соответствующие эпохе, и идущие в этом обществе социальные процессы. Ниже речь пойдет главным образом об этом разделе книги Энгельса. Но прежде следует остановиться на двух менее существенных местах, относящихся не к обобщающей главе, а к конкретно-историческим главам.

Говоря о военной демократии в главе IV — «Греческий род», Энгельс прямо опирается на конспект Маркса¹¹. «...слово *basileia*, которое греческие писатели употребляли для обозначения гомеровской так называемой царской власти (потому что главный отличительный признак ее — военное предводительство), при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания, означает только военную демократию»¹².

Как у Энгельса, так и в конспекте Маркса характеристика гомеровского общества как военно-демократического противопоставляется господствовавшим ранее представлениям о власти *басилея* как о царской власти.

Сопоставление касающихся военной демократии текстов Моргана с конспектом Маркса приводит к следующим выводам.

1) Для Маркса понятие военная демократия имело смысл прежде всего как противопоставление идее об извечном, изначальном характере монархической власти. Не случайно Маркс говорит о военной демократии лишь тогда, когда речь идет о гомеровских греках — классическом материале европейских политических теоретиков. Характеристика Морганом ацтекского теуктли, греческого *басилея* и римского *рекса* как

¹⁰ С. П. Толстов, *Военная демократия и проблема «генетической революции»*, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 204—205.

¹¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», Л., 1941, т. IX, стр. 145.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 107.

вождеи военных демократий, по-видимому, интересуется Маркса именно своей антимонархической направленностью.

2) Маркс опустил у Моргана все близкое к дефиниции военной демократии. Это, очевидно, связано с тем, что взгляды Моргана на государство, а следовательно, и на демократию не могли удовлетворить Маркса.

Кроме того, Маркс подготовил материал для критики понимания Морганом военной демократии в развитом рабовладельческом обществе. Это сделано после его смерти Энгельсом. Именно Энгельсу принадлежит и дальнейшая конкретизация понятия военная демократия. Но он, по крайней мере отчасти, основывался на работе, уже проделанной Марксом.

В главе VI — «Род и государство в Риме» Энгельс опирается непосредственно на Моргана. Основная задача остается той же — это критика представлений об изначальном, извечном характере монархической власти. Но Энгельс подчеркивает, что военная демократия опирается на родовой строй: «Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян в период так называемых царей существовала военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и развившаяся из них»¹³.

Обобщающая глава IX — «Варварство и цивилизация» содержит специальный раздел, всецело посвященный военной демократии, условиям ее возникновения и картине ее гибели.

В начале главы Энгельс излагает ход развития материального производства и общественных отношений, приводящий к явлениям, рассматриваемым в данном разделе. Здесь же, указав на сплочение родственных племен в союзы с последующим слиянием их в единый народ, а также на то, что этот процесс происходит из-за увеличения плотности населения, Энгельс переходит к описанию и анализу процессов, происходящих в общественной надстройке. Он отмечает, что должность военачальника становится необходимой, что появляется народное собрание там, где его еще не существовало, что военачальник, совет и народное собрание составляют теперь органы родовой организации¹⁴.

Основой рассматриваемого Энгельсом исторического процесса является имущественное расслоение внутри рода, развитие частной собственности, погоня за богатством, развитие рабства. Суть процесса — превращение органов управления родового строя, предназначавшихся прежде для регулирования внутриродовых дел, сначала в организацию ограбления других народов, а затем в органы подавления и угнетения собственного народа, оторванные от народа, стоящие над ним. Должность военачальника, прежде бывшая выборной в роде, опиравшаяся на родовую организацию и вытекавшая из нее, теперь превращается в наследственную. Это изменение общественных функций органов родового строя, замена их прежних функций политическими происходят в ходе грабительских войн.

«Военный дух» Моргана нашел у Энгельса строгое материалистическое объяснение: Энгельс считает, что он развился в силу стремления к грабежу, возникающему вследствие того значения, которое приобрело в глазах варваров богатство в период распада первобытнообщинного строя и становления классового общества.

Требуется, на наш взгляд, наибольшего теоретического осмысления следующее высказывание Энгельса: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную де-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 127.

¹⁴ Там же, стр. 164, 165.

ократию»¹⁵. Положение об обществе, развивающемся в демократию, может, на первый взгляд, показаться противоречивым. Действительно, в предисловии к сборнику «Статьи на международные темы из „Volksstaat“» Энгельс говорит о неточном характере названия «социал-демократическая» в применении к партии, «политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно, также и демократии»¹⁶.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс пишет: «... в большинстве известных в истории государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на имущественные категории. Так было и в средневековом феодальном государстве, где степень политического влияния определялась размерами землевладения. Это находит выражение и в избирательном цензе современных представительных государств. Однако это политическое признание различий в имущественном положении отнюдь не существенно. Напротив, оно характеризует низшую ступень государственного развития. Высшая форма государства, демократическая республика, становящаяся в наших современных общественных условиях все более и более неизбежной необходимостью и представляющая собой форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией, — эта демократическая республика официально ничего не знает о различиях по богатству. При ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее»¹⁷.

Энгельс полемизирует в приведенном отрывке с ограниченным представлением о системе политического угнетения лишь как о системе политических привилегий, при которой особое положение тех или иных групп населения оформлено юридически, признано официально, в отличие от демократических обществ, где все граждане формально равны.

Итак, на страницах «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельс подчеркнул, что буржуазная демократия есть одна из форм государства, разновидность аппарата классового насилия. Энгельс выявляет такую же сущность и рабовладельческой демократии: «...самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы. Рабы также входят в состав населения; 90 000 афинских граждан по отношению к 365 000 рабов образуют только привилегированный класс. Народное войско афинской демократии было аристократической публичной властью, направленной против рабов, и держало их в повиновении...»¹⁸

Афинская демократия для Энгельса является также не более чем формой государства. Здесь имеет место полемика с «Древним обществом» Моргана, подготовленная еще Марксом при конспектировании этой книги. Тогда Маркс опустил моргановскую характеристику афинского общества, как военно-демократического¹⁹, и внес в свой конспект почерпнутые из других книг сведения о численности рабов и свободных афинян²⁰, использованные Энгельсом в приведенном тексте.

Если и пролетарская демократия, а также и буржуазная, и рабовла-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 434, 435. Подробный анализ этого и других подобных высказываний Энгельса см.: В. И. Ленин, Государство и революция, Полн. собр., соч., т. 33.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 172.

¹⁸ Там же, стр. 170.

¹⁹ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 153.

²⁰ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», Л., 1941, т. IX, стр. 147.

дельческая демократия — лишь формы государства, то надо, как нам представляется, ожидать, что и военная демократия не есть исключение из общего правила.

Что же такое для Энгельса государство?

В главе IX «Барварство и цивилизация» Энгельс посвящает государству особый раздел²¹. Он принимает моргановское противопоставление родового строя, основанного на кровнородственных объединениях, государству, основанному на территориальном делении, но идет дальше. Суть идей Энгельса сводится в этом пункте к следующему: 1) «Государство есть продукт общества на известной ступени развития»²². Государство не вечно, оно не свойственно человеческому обществу во все времена и при всех условиях. Оно есть явление историческое. В этом пункте взгляды Моргана и Энгельса полностью совпадают. 2) Государство возникает в силу раскола общества на классы, является продуктом непримиримости классовых противоречий²³. 3) Государство есть особая сила, стоящая над обществом. «...сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»²⁴. Происхождение и природа этой силы объясняются следующим образом: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом, и приобретает, таким образом, новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»²⁵.

Но, будучи классовой силой, государство, тем не менее, не совпадает, как правило, с господствующим классом и тем более с обществом. «В виде исключения,— говорит Энгельс,— встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»²⁶. Эта мысль подтверждается следующими примерами: абсолютная монархия во Франции XVII—XVIII вв., державшая в равновесии друг против друга дворянство и буржуазию; бонапартистская монархия, «которая натравливала пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата», германская империя «бисмарковской нации», поддерживавшая «равновесие между капиталистами и рабочими» в интересах разорившегося юнкерства.

Что же собой представляет эта классовая по общему правилу, но стоящая над обществом, сила? Это есть публичная (общественная) власть, «которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила»²⁷. Устойчивое всеобщее вооружение народа в классовом обществе невозможно. В. И. Ленин писал, анализируя как раз эту страницу книги Энгельса: «...Каждая революция, разрушая государственный аппарат,... показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возродить служащие *ему* особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам,

²¹ К. Маркса и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 169—173.

²² Там же, стр. 170.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 171.

²⁶ Там же, стр. 172.

²⁷ Там же, стр. 170.

а эксплуатируемым»²⁸. Кроме армии это — жандармерия или полиция «с вещественными придатками» в виде тюрем. Эти особые отряды вооруженных людей надо кормить, одевать и т. п. Отсюда налоги и государственные долги. Энгельс пишет: «Обладая публичной властью и правом взывания к налогам, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность. Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше „авторитета“, чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним»²⁹.

Из изложенного ясно, что для Энгельса государство и общество не одно и то же. Следовательно, как нам представляется, демократия и общество также не одно и то же. Как же понимать приведенные выше слова Энгельса о родовом обществе, развивающемся в военную демократию, ибо демократия есть для него форма государства?

На деле никакого противоречия здесь нет. Изображение государственной машины, стоящей над обществом, данное Энгельсом, относится к той эпохе, когда классовое общество полностью сформировалось, а вместе с ним полностью сформировалось и государство. Между тем ни классовое общество, ни государство не возникают и не исчезают мгновенно. Наряду с порой их зрелости существуют эпохи, когда эти исторические явления лишь возникают, лишь развиваются и такие, когда они отмирают, постепенно уходя в прошлое. В эти эпохи первоначального зарождения и развития или отмирания государства оно существует как организованное насилие, но представляет собой совершенно особый тип.

Парижская Коммуна 1871 г. была именно таким особым типом государства. Она разрушила военно-бюрократическую государственную машину и заменила ее вооруженным народом. В ряде работ, написанных еще в 1870 гг., Маркс и Энгельс осмыслили этот исторический опыт, дополнив свое учение о государстве учением о его переходных формах, о его отмирании.

В книге «Государство и революция» В. И. Ленин проанализировал места из этих произведений, посвященные отмиранию государства после победы пролетарской революции. На основе этого анализа В. И. Ленин ввел понятия «полугосударство» и «неполитическое государство»³⁰. Полугосударство — это самодействующая вооруженная организация политически господствующего класса, имеющая целью подавление его политических противников. Это уже не государство в собственном смысле слова, так как государственной машины классического типа, стоящей над обществом, не существует, но это еще государство, поскольку самодействующая внутриобщественная классовая организация выполняет классическую государственную задачу подавления политических противников. Отсюда термин: «полугосударство», ибо старая форма исче-

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 10.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 171.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 18, 62—63, 101.

зает, но старая задача остается. Неполитическим государством Ленин считал точно такую же по своим формам организацию на том этапе, когда классы уже исчезнут, но подавление людей с пережитками эксплуататорского сознания и буржуазных замашек еще будет необходимо. На этом этапе форма подавления изменяется, сводясь к учету, контролю и администрированию. Но в этом виде подавление еще будет существовать. Превращаясь в общественную, прежде чисто классовая организация остается на этом этапе государственной организацией, поскольку сохраняется ее функция, осуществляемая в более мягких формах — подавления людей, окончательно исчезающая лишь с переходом общества к высшей фазе коммунизма.

В. И. Ленин развивает мысли, высказанные Энгельсом в произведениях, написанных в 70-е годы, вышедших до «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Ленинский анализ показывает, что уже тогда у Энгельса имелись сложившиеся представления об особом типе государства на стадии перехода от классового общества к бесклассовому. Изучая переход от первобытного бесклассового общества к классовому, Энгельс соответствующим образом характеризует общественную организацию времен гибели древнего общества. Это — военная демократия. По своей структуре она остается родовым обществом, которое строится по прежней основе родов, фратрий и племен. Но по своим функциям, как нам представляется, для Энгельса это уже государство в его естественно следующей за родовым самоуправлением демократической форме. Полугосударством оно остается до тех пор, пока сохраняется вооруженное общество, до тех пор, пока от него не отделились армия, жандармерия, тюремщики и чиновники. Но если в переходе от родовой организации к территориальной для Моргана заключается суть перехода от родового строя к государственному, то для Энгельса это внешний, хотя и весьма существенный, признак, на котором он не сосредоточивает внимания. Для Энгельса суть состоит в развитии классовых противоположностей, ведущих к появлению государства. Военная демократия есть первая, эмбриональная фаза развития, первый этап, первая форма государства, этап, на котором государство еще не противопоставляло себя обществу. Соответственно формы этого государства размыты и нечетки, но по сути дела, по своим социальным функциям это уже государство. Выше мы попытались проанализировать данное Энгельсом описание общества, организованного в военную демократию. Это общество, внутри которого уже развилось экономическое неравенство и уже развиваются классы. Жажда наживы вместе с углублением экономического неравенства по мере своего развития приводит государство к его классической сущности и классической форме, к появлению системы публичной власти, стоящей над обществом.

Энгельс, таким образом, вкладывал в понятие военная демократия совершенно новый смысл, не свойственный представлению Моргана. Принципиальное отличие взглядов Энгельса на военную демократию от взглядов Моргана не может игнорироваться.

ON THE CONCEPT OF «MILITARY DEMOCRACY»

The article exposes certain radical differences in the interpretation of military democracy by L. Morgan on the one hand, and by F. Engels on the other. This is achieved by analyzing the views of both authors on military democracy against a background of their general ideas regarding the state and democracy; thus the differences between them stand out with greater clarity.

The following main conclusion is reached: while for Morgan military democracy is a bridge linking primitive democracy with the «pure» democracy of civilized society, for Engels it is the earliest, as yet undeveloped form of state organization, or «semi-state», to use a concept that was later elaborated by V. I. Lenin with regard to socialist society at the stage of the state's dying off. This concept was elaborated by Lenin on the basis of Engels' earlier works written prior to his «Origin of the family, private property and the state». The subject of the article has a topical interest for Soviet historiography since criticisms of the concept of «military democracy» made in the course of discussions on this subject are aimed at the views of Morgan, while it is Engels' interpretation that has served as the theoretical basis for the research carried out by most Soviet students in this field.

Agreement in the views of Morgan and Engels with regard to a number of problems connected with military democracy is also noted in the article.
